

[Авидья]

Я весь день провалился в постели без сил, и Шэнь Сюй все это время был со мной. В те редкие моменты, когда мой разум прояснялся, те вещи, которые, как я думал, я давно забыл, внезапно всплыли из какого-то уголка моего сознания, и образы становились настолько четкими, что каждое действие, каждый взгляд были видны до мельчайших деталей.

Большинство занавесок были задернуты. Шэнь Сюй поправил подушку и лег рядом со мной.

— Так ты говоришь, что твой парень охладел ко тебе после того, как начал работать.

Я кивнул, затем в замешательстве покачал головой. Возможно, это я был слишком рассеян, чтобы заметить, что что-то было не так, судя по всем этим смутным признакам, появившимся много лет назад.

— Я хочу быть честным с тобой кое в чем, Сяоцзинь. — Шэнь Сюй внезапно выглядел виноватым. — Прошлой ночью ты заснул, сжимая в руках телефон. Я сделал кое-что... Я несколько раз просмотрел вашу переписку... Похоже, ему было наплевать на твои чувства.

— Он не из таких. — возразил я. Однако этот аргумент показался несколько неубедительным на фоне журнала чата. — Он не был.

Да, я принял сторону своего парня, но я не мог его простить. Если кто-то попробовал сладость меда, он больше не хотел снова пробовать горькое лекарство, особенно если мед и лекарство даны одним и тем же человеком. Это несоответствие действительно приводило в уныние.

Я должен был понять, что нравлюсь ему давным-давно, еще когда мы учились в старших классах. Всякий раз, когда другие одноклассники просили его помочь с домашним заданием, он просто давал краткое объяснение, а понимали ли они его, зависело от них самих. Однако всякий раз, когда я просил, он отворачивался и клал свою книгу на мой стол, прежде чем медленно объяснить мне, записывая цифры своим красивым почерком.

Когда другие одноклассники уже пользовались телефонами с сенсорным экраном, он все еще пользовался телефоном с кнопками. Мне казалось, что печатать очень сложно, особенно когда дело касалось длинных уравнений, но он всегда терпеливо все подробно записывал, не пропуская ни одного знака препинания. Я сказал ему:

— Эй, Дидай, может, тебе стоит посмотреть, можно ли отправлять фотографии с этого телефона, а то ты потратишь столько времени, набирая эти длинные формулы.

— Все в порядке. — сказал он.

— Тогда я соберу воедино все вопросы, которые не знаю, как решить, и попрошу тебя о помощи в понедельник.

Он не ответил. Было 11 часов вечера в субботу. Когда я закончил делать домашнее задание, разбирать свои художественные материалы и мыть посуду, экран моего телефона оставался темным. Я выключил свет и лег в постель, положив телефон на грудь. Я подождал, но ни ответа, ни сна не последовало, поэтому я поднялся и принялся листать учебники.

На самом деле я не притворялся прилежным учеником. Наши места в классе менялись каждый месяц в соответствии с нашим рейтингом в ежемесячных тестах. Дидай всегда учился в 1-м классе, в то время как я всегда слонялся между 5 и 7-м классами. Я даже побывал в 11-ом

классе, потому что после возвращения из тренировочного лагеря мне было трудно наверстать упущенное. Я целый месяц приставал к Дидаю и просил его помогать мне, прежде чем, наконец, встал на ноги.

— Привет, Дидай, у нас на экзамене был беспорядок. — после того, как прозвенел звонок, означающий окончание экзаменов, я вышел из класса со своим пеналом и учебниками и заметил Дидаю. — Парень передо мной повернулся, чтобы посмотреть на мои ответы.

— Многие ли списывали?

— Думаю, довольно много, и они не скрывали этого. — я дотронулся до своего носа, все еще чувствуя себя немного напуганным. — Интересно, учитель обвинил бы меня в списывании, если бы заметил, что тот парень просматривал мои ответы?

— Нет, не будет... Трусишка. Ты никогда раньше не списывал? — спросил Дидай.

— Нет. — честно ответил я.

— Никогда?

Я кивнул.

— Ни разу. Если я знаю ответ, значит, я его знаю. Если я не знаю, значит, так тому и быть. Списывать бессмысленно. И тебе тоже нужно беспокоиться о том, что тебя поймут. Оно того не стоит.

— У тебя ясный ум. — Дидай поднялся со мной по лестнице. У него с собой ничего не было, только ручка с черными чернилами, которую он положил в карман после экзаменов.

— Все это знают, но, возможно, они делают это потому, что родители побьют их, если они не добьются хороших результатов.

— Хм, ага. — когда мы свернули на перекресток, Дидай серьезно спросил. — Ты считаешь себя человеком, который чувствует себя уверено, Сяоцзинь?

— Да. — с готовностью признался я.

Вот почему чувство стыда после получения однозначного результата в 150 баллов за тест по математике длилось недолго. Мои родители были людьми непредубежденными. Они говорили мне, что ничего страшного, если у меня будут плохие оценки, пока я не стану самодовольным и ленивым. Я поступил бы правильно, если бы усердно работал понемногу... медленно и неуклонно, вот как это было бы.

— Подожди, Дидай, разве ты не всегда сдаешь экзамены в первом классе? Почему ты здесь, внизу? — меня осенило.

— Я здесь, чтобы воспользоваться туалетом. — небрежно сказал Дидай. — Там слишком много людей.

— О.

Я подумал, что поступил глупо, задав этот вопрос еще раз, когда ответ был таким очевидным. Мои мысли блуждали, и я подумал, что «даже если Дидаю реально нравятся парни, кто-то вроде меня вряд ли будет в его вкусе, не тогда, когда общение со мной наедине уже так

утомительно».

Его терпение по отношению ко мне было сродни жалости, которую образцовый студент проявляет к обычному парню. Мы редко говорили о вещах, не связанных с учебой, или на случайные темы.

Однако однажды, во время нашего выходного по случаю Национального дня, я получил от него сообщение. Когда я ехал на поезде в студию, я открыл сообщение и услышал шелест ветра и гудки машин.

— Сяоцзинь, у меня новый телефон. Я сейчас иду пешком...

Казалось, он не находил слов. После паузы сообщение оборвалось на 10-секундной отметке. Я был так взволнован, что чуть не пнул сиденье перед собой, и столько раз прослушивал это сообщение снова и снова, сжимая телефон в руках. Всякий раз, когда мне кто-то нравился, я невольно накладывал на него бесчисленные фильтры и думал: «Почему у него такой приятный голос? Как ему удавалось делать паузы в нужный момент? Почему ему удавалось так легко задевать струны моего сердца, даже когда речь шла о таких обыденных вещах, как прогулка?»

Я прочистил горло.

— Он хорош? Твоя семья наконец разрешила тебе?

— Моя мама не знает о телефоне, которым я сейчас пользуюсь. — он усмехнулся. — Его бы конфисковали.

— Она строга к тебе. — сказал я.

Через несколько секунд [Говорящий...] перешел на [Печатающий...]

«Да, у нее не очень хороший характер».

Я взглянул на слова и не принял их близко к сердцу. Моя мама тоже не отличалась хорошим характером, и я подумал, что все родители на свете одинаковы, когда выходят из себя, поэтому сменил тему. Я рассказал ему, что был в поезде, который только что проезжал мимо какой-то фермы.

— Конечно. Если у тебя возникнут вопросы, с которыми тебе понадобится помощь, ты можешь обратиться ко мне в любое время. — сказал он. — Я все запишу, сфотографирую и отправлю тебе.

Через несколько секунд он напечатал:

«Это рисовые поля?»

«Это пшеничные поля».

Мы разговаривали с трех часов дня до полуночи. После того, как я пришел в студию, я брал в руки телефон и смотрел на него каждые несколько секунд. Учитель недовольно посмотрел на меня, но был ошеломлен неподдельной радостью на моем лице.

— ...Тебе не показалось, что ты ему тогда не нравился? — спросил Шэнь Суй, подперев голову ладонью и слушая меня.

— Я не смел даже подумать об этом. — я сказал правду. — Только позже я почувствовал, что, возможно, в этом что-то было.

— Возможно, в этом что-то было. — повторил он с улыбкой на лице. — Но это трудно заметить, когда он так себя вел. Есть люди, которых никогда не любили, и они понятия не имеют, как это сделать. Вот почему они совершают глупые, неловкие поступки в надежде, что кто-то заметит их старания.

— Я ничего другого и не ожидал от учителя, кроме как... великолепной наблюдательности. — я наблюдал за ним, лежа на своей кровати.

Шэнь Сюй был не так уж близко. Он расположился так, что только верхняя часть его тела находился рядом со мной. Он снова держался вежливо-отстраненно, как будто немедленно отступит и установит между нами соответствующую социальную дистанцию, как только заметит малейший дискомфорт с моей стороны. Он был крайне осторожен.

Я не возражал против этого. Я чувствовал себя очень комфортно, общаясь с человеком, который знал свои пределы. Шэнь Сюй, пожалуй, был слишком добр ко мне. Я часто нарушал его график после того, как он был прикован к постели из-за болезни, и все же он оставался рядом со мной без каких-либо жалоб. Вода в моем стакане никогда не бывала холодной, и сегодня днем он даже принес миску рисовой каши с фасолью, сказав, что это самое вкусное блюдо, которое только можно приготовить на кухне отеля. Я ел его кусочек за кусочком, глядя в окно и испытывая чувство вины. Шэнь Сюй небрежно говорил, что сегодня будет самый жаркий день в этом месяце, так что оставаться дома целый день тоже неплохо.

Пока он говорил, его взгляд постоянно был прикован ко мне. Я не мог точно сказать, какие эмоции были в его взгляде, потому что он всегда отводил взгляд, когда я пытался встретиться с ним взглядом.

После обеда Шэнь Сюй вернулся в свою постель, чтобы вздремнуть. Он, должно быть, устал, так долго заботясь обо мне. Кутаясь в одеяло, он выглядит хрупким и одиноким, чего обычно не было заметно. Я неожиданно почувствовал себя лучше после того, как он заснул, поэтому достал со дна чемодана пустой альбом для рисования, положил его открытым на колени и пытался воссоздать вчерашнюю хижину из пальм по своим воспоминаниям.

Размеры хижины, глубина сцены, количество стульев. Я опустил на эту дугообразную мягкую поверхность, созданную из подушек и матраса, моя талия и плечи были расслаблены, и я наугад рисовал на бумаге. Базовые линии, где-то темные, где-то светлые, выглядели как черно-белый лес. Пара глаз, подведенных зеленой краской для лица, продолжали возникать в глубине моего сознания. Я не мог это контролировать. Образы пронеслись перед моим мысленным взором, как умелый росчерк карандаша, и все же меня сильно тянуло к ним.

— Шэнь Сюй, Шэнь Сюй. — говорили мне пара глаз.

И вот я отложил карандаш и прижал ладонь к глазам.

— Шэнь Сюй...

Меня охватила безысходная усталость. Я подумал об этой гнилой крысе. Когда она была жива, она, должно быть, выросла на просмотре «Махабхараты». Когда бы он проголодался, он бы украд кусочек чечевицы с карри, прошмыгнул бы между ножками всех этих стульев. Так поймет ли он? Поймет ли он эту историю о жадности и красоте, о том, как «время уничтожает все живое»?

Я поднял взгляд от своей ладони, и на бумаге появилась крыса, похожая на живую. Я некоторое время смотрел на картинку, прежде чем добавить рядом глаза Шэнь Сюя. Процесс проходил гладко и плавно, как будто они уже отпечатались у меня в мозгу. Внезапно вдохновленный, я открыл фотографии на своем телефоне, планируя сравнить рисунок с определенной фотографией. Неожиданно, однако, фотоальбом оказался пустым, когда я его открыл. Ошеломленный, я закрыл его и открыл снова, и снова, и я снова заблудился в бескрайнем снегу.

— Шэнь Сюй. — я растерянно моргал, глядя на его спящее лицо. — Неужели мы уже давно знаем друг друга?

Пока небо темнело, мои мысли блуждали. Чем больше я об этом думал, тем больше запутывался, поэтому зарылся в одеяло и тоже ненадолго заснул. Когда я проснулся, было уже начало седьмого. Шэнь Сюй проснулся раньше. Он сидел на краю кровати и смотрел на меня, прикрыв глаза.

— Ты голоден?

— Я голоден.

Я услышал, как у меня урчит в животе.

— Каши?

— Нет, нет. — мое пристрастие к индийской кухне с сильными ароматами все еще не угасло. — Давай поедим где-нибудь, хорошо?

— Теперь твоему желудку лучше? — обеспокоенно спросил Шэнь Сюй.

— Намного лучше. Я буду в порядке, если буду держаться подальше от придорожных забегаловок. — я встал и переоделся. — И я могу принять какое-нибудь лекарство заранее.

— Все лекарства в той или иной степени ядовиты. — Шэнь Сюй протянул мне коробку. — Выпей немного Цзяньвэй Сяоши Пиан... Они не очень помогают, но и не ухудшают ситуацию.

Я спрятал коробочку в кармане и рассказал Шэнь Сюю о странных вещах, которые произошли с моим телефоном. Я рассказал ему, что мои фотоальбомы и контакты были переформатированы, и даже новые фотографии исчезли, как только я их сделал. Разве это не странно? Шэнь Сюй ненадолго задумался, затем достал из рюкзака цифровую камеру Leica. Он отстегнул ремешок и надел ее на шею.

— Я буду фотографировать тебя.

— Я буду чувствовать себя виноватым, если ты будешь фотографировать только меня. — я мрачно посмотрел на свой телефон.

— Мне нравится фотографировать других людей, но мне не нравится, когда фотографируют меня. — Шэнь Сюй опустил голову, настраивая параметры. — Это заставляет меня чувствовать себя немного неловко.

Я замолк. Этим он был очень похож на одного человека. На нашей выпускной фотографии из средней школы он был единственным, кто не смотрел в камеру... Он смотрел на меня.

<http://bllate.org/book/14890/1347416>